

К столетию большого поэта Николая Заболоцкого прошлогоднее собрание его сочинений тиражом 2000 экземпляров еще не распродано

д а т а

Среди первостепенных русских поэтических миров XX века, на фоне «мерцания светил» (Хлебников, Мандельштам, Пастернак) Заболоцкий кажется меньшей по размеру и значению звездной величиной. Но даже с учетом этого «оптического эффекта» его поэтический масштаб велик, а его систему не спутать ни с какой другой – это органично сформировавшийся, своеобразный мир образов и ритмов, связанный с целым русским поэзией XX века и в то же время представляющий ее глубоко оригинальный вариант. Ни у кого в русской поэзии нет такого интенсивного сюрреалистического звучания, как у раннего Заболоцкого периода «Столбцов», или такого тотального пантеизма и оригинальной натурфилософии, сопоставимых с живописью Филонова, как у Заболоцкого в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Николай Заболоцкий родился 7 мая (по новому стилю) 1903 года в Казани в семье агронома. В 1920 году приехал в Москву и поступил в университет сразу на два факультета: на медицинский (из-за продовольственного пайка) и на историко-филологический, учебу на котором государство не стимулировало и не поощряло. Затем перебрался в Петроград, где учился в пединституте им. Герцена на отделении языка и литературы. В 1925 году он познакомился с тогдашними самыми крутыми ленинградскими авангардистами из разрешенных (точнее, еще не запрещенных) по невниманию властей – Даниилом Хармсом и Александром Введенским, а в 1926 году начинает создавать знаменитый впоследствии цикл «Столбцы», ставший событием литературной жизни, к «году великого перелома» уже довольно скудной.

В «Столбцах» изображен нэповский Ленинград: из старого Петербурга-Петрограда он на глазах у поэта превращается в странный «коммунальный» город, «курятник радости», обитатели которого торопятся ухватить все доступные «утарные» удовольствия, изображенные с брейгелевской дотошностью: «Кому нести кровавый рютик, / У чьей постели бросить ботики / И дернуть кнопку на груди? / Неужто некуда идти?». Картины выходили странные, ни на что авторитетное для современной поэзии не похожие и не опирающиеся. Заболоцкий если и использовал какие-то поэтические традиции, то сугубо маргинальные, неактуальные для его непосредственных «хронологических» предшественников – например, традицию знаменитого в XIX веке Бенедиктова и поэзию капитана Лебядкина, которую осваивал примерно в те же годы и Николай Олейников. В одном из разговоров 1933 года Заболоцкий сказал о поэзии, что она «жила один век – от Ломоносо-

«Душа оказалась переломанной, страх быть снова обвиненным в антисоветской деятельности заставлял менять слова, строчки».

как проходит мирская слава

Моск. новости - 2003 - 5 мая - с. 25.

ва до Пушкина. Быть может, сейчас, после большого перерыва, пришел новый поэтический век». Потому-то новый мещанский быт Ленинграда он описывает так, словно поэзии конца XIX – начала XX века и не было (можно предположить, что он ее просто плохо знает), с чистого листа. Кстати, если проанализировать те стихи 1920-х годов, которые он не включил в сборники, то окажется, что они все пропитаны гоголевскими образами («Поход», «Попрощин»). Но фантазматичность Гоголя как основу стихов

творческий вечер в Ленинградском союзе писателей и надеяться на издание сборника. Поэт имитировал поэзию, искусственно пытаясь вызвать лирическое напряжение. Затеяно было с эскиловским размахом, но получилось вяло и сухо.

19 марта 1938 года Заболоцкий был арестован. Донос Николая Лесючевского, впоследствии работавшего директором издательства «Советский писатель» (ибо у нас всегда палачи умирают в почете), был написан уже в июле, Заболоцкому инкриминирова-

Заболоцкий, член делегации советских писателей, у могилы Данте. 1957 г.

Заболоцкий решил в сборниках скрыть – видимо, как криминальную, потому что через источник нетрудно понять и тайный смысл – вопль маленького человека, задыхающегося от отсутствия кислорода в условиях «советской пустоты».

В 1929 году, когда публикуется сборник «Столбцы» (22 стихотворения, тираж 1200 экземпляров), Заболоцкий уже подбирает новые ориентиры – Хлебников, Вернадский, Циолковский. Начинается натурфилософский период. В «Торжестве земледелия» воплощаются утопические мечтания о золотом веке возрождения природы, когда исчезнет насилие человека над другим человеком и над природой. Постепенно Заболоцкий входит в систему институтов официальной литературы. Его замечают в том специфическом для тридцатых годов смысле, что обрушиваются на него и клеймят. Александр Безыменский назвал его «рупором классового врага»... В 1936 году Заболоцкий, побывав на родине Сталина, пишет «Горийскую симфонию», этот поступок позволяет организовать

лась клевета на советскую жизнь, в частности, в стихотворении «Прогулка»: «Вся природа улыбнулась, / Как высокая тюрьма». Впрочем, Заболоцкий оказался для чекистов микроэлементом большого замысла: НКВД сочинило сценарий контрреволюционной писательской организации в Ленинграде, роль ее руководителя была отведена Николаю Тихонову, среди участников фигурировали Федин, Эренбург, Николай Чуковский и другие, репрессиям не подвергшиеся. Заболоцкий на допросах ни в чем не признался... Мучения ареста, содержания в застенке на Литейном и этапирования в Комсомольск-на-Амуре Заболоцкий подробно описал в мемуаре «История моего заключения».

Из лагеря он был освобожден в 1945 году, в апреле 1946 года получил разрешение жить в Москве, постепенно вернулся в литературу, начал писать новые стихи, переделывать старые, формируя из них некий «окончательный свод». Стихи 1950-х годов написаны в новой для Заболоцкого сюжетно-реалистической манере, лишены любых

Николай Заболоцкий. Таруса, 1958.

следов «формализма» (сюрреализма, экспрессионизма, которые были характерны для его поэзии 1920 – 1930-х гг.) и поражают изяществом и «промыстостью» всей искусно подобранной лексики, тщательно сделанной «простотой». Словно задание, которое поэт себе поставил после лагеря, – победить любые виды «формализма». Вершина стиля – «Портрет» (1953): «Ее глаза – как два тумана, / Полуулыбка, полуплач, / Ее глаза – как два обмана, / Покрывать мглою неудач». Именно в этом стиле было написано и знаменитое антисталинское стихотворение «Де-то в поле возле Магадана» (1956).

Что же касается работы над «окончательным сводом», то работа эта была направлена на постоянное невротическое переписывание произведений, что в первую очередь касалось «Столбцов». Душа оказалась переломанной, страх быть снова обвиненным в антисоветской деятельности, непонятный криминал, вероятно, содержащийся в ранних стихах, в 1948 – 1952 г. заставлял менять слова, строчки. Выбрасывались целые стихотворения, выброшенные объявлялись несуществующими. Переделывание стало навязчивой болезнью, ибо для новой посадки никакая аргументация не требовалась, но поэт ничего уже с собой поделать не мог. Скажем, в «Горийской симфонии» 1936 года он «самую опасную» строчку – «мергел задумчивый и ловкий осетин» в 1937 году меняет на «мергел задумчивый и храбрый осетин», а в 1957-м осетина делает «стройным», достигая самого нейтрального и беспроблемного – в случае допроса! – варианта. А из знаменитого стихотворения 1928 года «Народный дом» выкидывает описание «буржуазных танцев». Все эстетические резкости, все, что могло быть переломано как «клевета на

советских людей, строителей коммунизма», – все это он старался в 1948 году вымарать из старых текстов. Брат Николая Алексеевича был в немецком плену, а потом в сибирском концлагере. Но и в оттепельные годы, когда брата выпустили, и потом, в хрущевские, поэт боялся с ним встречаться и переписывался через посредников (сообщено М. Синельниковым). Страх переломал его навсегда.

В 1957 году Заболоцкий написал 33 стихотворения – биограф фиксирует наивысшую активность поэта. Выходит четвертая и последняя прижизненная книга. Жизнь стала налаживаться, он получил заслуженное признание, усиленное гулаговским прошлым. Смерть пришла внезапно: 14 октября 1958 года Заболоцкий умер от сердечного приступа.

А сейчас... В массовую культуру второй половины XX века Заболоцкий вошел двумя поздними стихотворениями, довольно тривиальными: «Некрасивая девочка» (1955) и «Не позволяй душе лениться» (1958). Из второго массовому читателю было известно название, часто эксплуатировавшееся газетчиками. Первое всем запомнилось тем, что подлинная красота – не «сосуд, в котором пустота», а «огонь, мерцающий в сосуде». Для современной «телоцентричной» культуры все это пустые фразы. Образцово подготовленное Никитой Николаевичем Заболоцким полное собрание стихотворений, поэм и избранных переводов отца, Николая Заболоцкого, было выпущено в 2002 году в серии «Новая библиотека поэта» тиражом 2000 экземпляров и пока не распродано. Sic transit gloria mundi – ничего, кроме этой бессмертной латинской пошлости в голову и не приходит.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

ЧИТАТЕЛЬ